

и
Трясениях

Заметки
о чаепитии
и земле-

—

леон
богданов

—

18+

новое
литературное
обозрение

Леон Богданов

**Заметки о чаепитии и
землетрясениях. Избранная проза**

«НЛО»

2022

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Богданов Л.

Заметки о чаепитии и землетрясениях. Избранная проза /
Л. Богданов — «НЛО», 2022

ISBN 978-5-44-482048-3

Что наполняет частную жизнь ленинградского интеллектуала – героя этой книги, которому выпало жить в медленно ветшающей тоталитарной империи? На первый взгляд, разного рода мелочи: редкие книги по восточным религиям и культуре, чайные церемонии и парадоксальные размышления. Но тревожная реальность, одновременно пост- и предкатастрофичная, неумолимо просвечивает сквозь быт: тонко настроенный авторский приемник улавливает все непредсказуемые исторические события, стихийные бедствия и географические изменения. Всполохи сознания и мельчайшие движения предметов оказываются тесно связаны с фундаментальными сдвигами истории, а редкий талант Леона Богданова, сделавший «Заметки о чаепитии и землетрясениях» культовой книгой, позволяет ему обнаружить и продемонстрировать читателю эту связь. Удивительно и мужество авторской позиции: проза Богданова постулирует не эскапизм, а интенсивное проживание эпохи как единственный способ ее преодоления. Леон Богданов (1942–1987) – один из ключевых авторов ленинградской неподцензурной литературы, автор множества поэтических и прозаических произведений, публиковавшихся в журналах «Часы», «Транспонанс», «Митин журнал». В 1986 году за «Заметки о чаепитии и землетрясениях» получил Премию Андрея Белого.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-44-482048-3

© Богданов Л., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

А. Драгомощенко	7
К. Кузьминский	10
Б. Констриктор	14
Б. Кипнис	15
От составителей	16
Заметки о чаепитии и землетрясениях	20
Часть 1	20
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Леон Богданов
Заметки о чаепитии и
землетрясениях. Избранная проза

Г. Неменова

*Портрет Л. Богданова работы Г. Неменной. Литография. 1960-е.
Из собрания К. Козырева.*

А. Драгомощенко

Блеск

Минуло лето в сухом саду, с его цветением денег. Осеннее пальто заслоняет большую часть сухого сада. Нам просто не видно, что там еще высохло или увяло, или опало. Что все лето и весну падало, то сейчас опадает. Все чаще плесневевает чай, оставляемый на два-три дня. Осыпается побелка, даже кусками отваливается штукатурка. На полу грязь – осенняя, подразумевается. Вечная, сказать проще. И сейчас светит солнце – последнее, сентябрьское, что же изменилось по сравнению с весной? Весной его брызги долетали и сюда. Сейчас только тепло доходит до меня.

Леон Богданов

Я видел Л. Богданова один-единственный раз. Не спору, кто-то может утверждать, что это был ноябрь. В самом деле, был месяц, не исключавший возможности иного года, – это было так, как действительно трудно вспомнить. Тень на лице. Летательные аппараты, канаты, акробаты, публика, тающая от сознания собственной причастности к тому, что никогда не существовало (о чем впоследствии будет скрупулезно повествовать в возможных изданиях, доказывая обратное).

Да, говорю я, никто про Леона Богданова не напишет. Никто этого не сделает даже потому, что не успеет понять, как «уложить» себя в гипсовую марлю приближения к черте, пред которой он не хотел вообще существовать, так как был дан условием в имени.

Для собственного спасения: он *прибывал* в исчезновении. За это меня прибьют камнями. Скажут: он всегда хотел быть, – и не доказательством ли то, что терялся на горизонте *письма*, под стать кролику в шляпе факира?

Он исчез задолго до факира и шляпы в сухом японском саду на подоконнике. Главным и наиболее грозным растением того сада был ветер в балконной двери.

Далее – «Козырев» (plural), – также и астроном. По-иному понимавший «время»: про-вращение, волчок, лунные landscapes. Лед – тоже форма волны. Тогда мы с Зиной играли в теннис с Сашей Козыревым, а он, также «занимаясь временем», как и *все* Козыревы, – то есть плазмой, – после всего, когда льет пот, случалось, говорил...

Мне все равно, кто и что говорил. Главное – успеть. Did I? Я думаю о другом, о том, как время определено в «системе» отнюдь не европейской, – с усердным постоянством создающей нескончаемые тетради в клетку, книги про то, как надо понимать что было, вольеры для уроков и бороды для ученых. И даже не о том, что лежит фигурой сыра на дне фьордов. А что, собственно, было? Ничего. «Где же искать грань между ценным и ничтожным, большим и малым – вне вещей или внутри их?» – спросил Хэбо. Я намерен сказать о времени Леона Богданова, который никогда, в силу простого величия, об этом не обмолвился. Докажи обратное.

Leon Bogdanov возник тогда, когда я меньше всего думал, что он вообще существует. Что означает: сегодня в Скандинавии, в стране, прянувшей из бездонных цветных карт и где «висельник» и «мама» совпадают в квадрате трансатлантической прорехи, я к нему возвращаюсь.

Это – как идти против ветра. Где он возникает наподобие неправильно сшитой орфографии французской словесности (и вот тут-то я попрошу не спешить), и что отнюдь не есть скрытое заимствование из Берроуза о Боулзе, но относится к баснословной поре, когда все, кроме нас, думали, что писать означает если не открывать тайну, то, в худшем случае, гово-

речь о том, что она неизбежна. Чему, вероятно, оставалась привычка к тому, что есть «враг», «другой» или книга в клетку, или история, или есть – «Бог».

Привычек, писал Богданов, нет. Бог не привычка. Это потому как это – есть «это». Он писал: *«сейчас только тепло доходит до меня»*. Его восхитительно-медленная ярость (лед волны) заключалась в том, чтобы не сказать, но дать сказать – «rose is rose». Но и это неправильно. Никакой не Розанов. Куда тому, в чугунных валенках по горло, – и не снилось. Вот почему сотню лет назад я едва ли не окошел от стихотворения Лены Фанайловой про зиму в автобусе, – все же как научиться не распускать нити, слюни, руки... воображение? Никакой не Беккет, Музиль, никакой не Кэнко Хоси, etc. Никакой. Вот что главное. Карту он смотрел на просвет, на воск, на крыло – поэтому и замок, и деревня, и сторожа, включая «врата», лишь пункты перемещения зрачка. Поэтому критику он не нужен.

Я же здесь чистой функцией; типа путником на северном краю олеографии. Без пальмы, лермонтова и выгоды, но с сигаретой. Идущий отовсюду. Идущий, как в учебнике арифметики идет наука воды и ржавчины. Почти теперь. Что означает также: не-существование станции. Прочти Леона Богданова и напиши предисловие.

Или, лучше, напишите, как писал Богданов. Что смехотворно просто. Слова и некоторая очередность, ну... возможно, чуть терпения. Я же пытаюсь всего лишь сделать так, как то делал Л.Б.

Чтобы увидеть свет в определенном прикосновении зрения, нужно отворачивать его к противоположному по оси месту. Тут никакого терпения не достанет. Чтобы стало понятней, прибегнем к примеру из ни к чему не обязывающей словесности. Назовем имена Пушкина. Некоторые с другой буквы. Некоторые известны народу. И без сожаления в отсутствие их/его.

Почти весь Клее – бесшумное путешествие к «янтрам». К обратной точке зрения. Лезвие – не что иное, как процесс сведения к ничто некоего материального тела, или, как говорят друзья, – «hile». Но восхождение оказывается последним актом кукольного театра. Дальше пробегает обыкновенное лезвие, средоточие которого – блеск, *«из которого были созданы все творческие выражения путем расширения точки таинственной яркости»*.

Стало быть, совершенство есть не то, что оседает в памяти или же ее создает, но то, что лишает память ее же самой, то есть свершения, то есть «истории».

Я не знаю, когда Леон Богданов родился, когда умер и кто теперь собирает его сады. Говоря по-иному, однажды он дал возможность взглянуть *на* – не как на пейзаж, исчезающий в заднем стекле машины, тем, кого не устраивало подобное строение картины.

Главным и наиболее грозным растением в его сухом саду, повторяю, был ветер, пойманный балконной дверью. Леон Богданов и был таким непрерывным процессом *постоянного* создания лезвия, рассекающего любые «истории». Знает ли тот, кто вдыхает, что выдох достается другому? Потому надлежит набрать дыхания и не спешить с головокружением. Хайдеггер отдыхает. Лезвия, пересекающего себя. Несколько цитат из Богданова. Они не оставляют возможности «третьего», которое якобы дано. Они свидетельствуют о том, что дано – одно. Он сам и есть *perilgates* его же «земли» (соединяющей в необязательной этимологии «емлить» и «за»), иными словами, края отречения от «присвоенности», в том числе и «себя». Но не земли. Но не неба. Но не меня. Ничего не дано. Литературная истина, собственно, и занимается бесконечным отделением одного от другого. Надо полагать, ради спасения *отделяющих*, а возможно, по причине чего-то другого. Типа дайте рецепт от смерти. А кто спорит?

Боль тоже тень того, другого; как и фамильный альбом, и затертая порнолента, как в телевидении про слова, не знаю... – пиво есть, ноги несут к лестнице за окном. В дверь стучат. Говорят, есть будущее, затем прошлое, – значит, говорят, есть и «настоящее». Кто может выдержать подобную тавтологию? Последнее падает лакомым куском к философскому зубу. Но на каждый зуб есть свой дантист, и он поет песнь про – *«иди не в корень, иди по каналу»*.

Канал и есть пресловутое: «plural». Множества, от которых рукой подать до Клее. Украденного у Бенямина «ангела» и вантовых систем. Руин. Дантисты создали web, но не землетрясения. Не для меня и не для Богданова. Круги сужаются, как после нежных тектонических смещений. Богданов возникает на фоне кантовского шансона об абсолютном пространстве. Но и это не интересно на склоне дня в стране, где пустынной улицей идут все те же дети. Кто остался – вопрос из другого ряда. И как на это еще посмотреть.

К. Кузьминский **Черное стекло Леона Богданова**

вроде, и знаю – не хуже-ближе (дольше) михнова, алкоголика, но между нами стояла черного стекла стена наркоты

1967...

приходится заниматься «ИСТОРИЕЙ искусств»
поскольку «современников», в большинстве, уже нет (и те – далече)
а память – вещь необычайно хрупкая, фрагментарная и лживая

вероятно, встретился я с леоном богдановым, «элликом», в 1967-м
около того

где-то в том году состоялось знакомство с эрлем
«эллики и эрлики», как называл их я
документация пошла позднее

во всяком случае, историческое фото эрля и эллика снято гран-борисом (кудряковым) –
28 июня 1970, «на манежной площади около малой садовой»
и снабжено двумя автографами – эрля и эллика – непонятных позднейших лет (1972?),
см. «Антологию новейшей русской поэзии у Голубой лагуны», том 4А

1970-м же «датируется» мой единственный визит к эллику на блохина, с моей женой,
«мышью»

когда лишь я и смог – воочию – наблюдать его «творческий метод»

комнатушка, с немывыми стеклами, диван (прожженный) и горелая дырка в полу, около
него: эллик заснул с косячком или с сигаретой (или – он курил «беломор»? – пригодный для
того и того?)

по стенкам, вроде бы, ничего: грязные обои (всяко: «окантованных картин», обычных в
мастерской-студии – не было)

был угощен чифирем, в белом эмалированном ковшике – по меньшей мере, «квар-
том» (слой чая занимал три четверти посуды)

деньги – малые, пенсионные (по шизе?) и малые же случайные приработки – уходили на
индийский чай (38 коп. пачка?) и афганский гашиш-планчик (рупь – косяк, кодеин при этом
стоил сущие копейки, и в 60-х – без рецепта еще)

пельмени – 40 коп. пачка (<...> овчина <В.А. Овчинников> их называл «акридами»,
коими в пустыне монаси-схимники питались, – наш обычный рацион: богданова, шемякина,
мой, всехний...)

хлеб – 14 копеек буханка, формовой (и круглый, в ту же цену или чуть дороже – 16?)

на кисти-краски и холсты-бумагу – оставался голый и абсолютный ноль

(изобретенный индусами, коего востока знатоком и поклонником, «ориенталистом», как
и михнов, – был, в своей «дзеновой прозе», эллик)

где там стояла оцинкованная детская ванночка (или – стиральное корыто?) – в комму-
нальной ванной ли, но не в комнате – не упомяну

в корыте были свалены листы «мусорной бумаги»: тетрадной, альбомной, просто какой-то оберточной, разного формата и текстуры

«я, говорит, засыпаю их анилиновыми красками (2 копейки – или 29? – пакетик), потом порошок алюминиевого, которым фонарные столбы красят, – и размешиваю на готовые мокрые листы налепляю таблетки от шизофрении – от них желтый ореольчик остается»

потом по полу рядами раскладывались все – сотня – листов элик смотрел – и выбрасывал ровно 90 %, оставляя 10 когда из десяти десятков складывалась очередная сотня – следовал новый (окончательный?) селекционный отбор

в результате, пришедший на мою выставку «23-х» михнов-войтенко – увидел с полдюжины работ элика (вертикальный ряд, за скудостью места) – и сказал, на одну: «д-дааа...» (и помню – на какую, есть где-то в слайдах)

работы были из собрания эрля
два ведущих абстракциониста, участвуя в моей выставке 1974-го работами, – ни на открытии, ни далее – лично не появлялись
михнов уже был «антисоциабелен», а элик, не исключено, находился в больничке-дурке

в тот единовременный визит 70-го – элик не возражал, когда я отобрал пачку работ (из подвергшихся селекции, аннулированных)

на старо-невском, в своей комнате в коммуналке – «мышь» изобразила по лету 1970 (к нашей запоздавшей свадьбе) – коллажи из эликовых работ, по стенам: кресты из «кругов» (элик явно пользовал – лабораторные фильтры), композиции из прямоугольных листов абстракции красно-сине-фиолетовых тонов (анилин), с блестками алюминиевого порошка

7 работ элика (одна – с фильтрами и таблетками, похоже) – чудом сохранились, поскольку были «окантованы» (наклеены на дешевый полукартон, кальсонного цвету), все – «начала лета 1970» (поскольку к свадьбе в августе – они уже висели, на старо-невском)

остальная полусотня «неокантованных» – вероятно, погибла (поскольку матушка моя – никогда не была «поклонницей пикассо», выросши на клевере <художник Клеверов> и рерихе)

дело «исхуйствоведов» – разбирать абстрактные композиции элика (магрит или мондриан?), равно и михнова-войтенко – и пишут уже (спохватились)

мое дело было – запомнить и полюбить художника элика (леона л.) богданова – в мои немногие с ним эпизодические встречи 1970?–1975
и сохранить хоть 7 его работ

вру: у нортон в коллекции сохранилась (от меня) эликова работа «со штампами», единственная имеющаяся в его музее циммерли-ратгерз:

где-то элик раздобыл какие-то допотопные монетные (?) клише – с двухговым орлом и надписью допетровской кириллицей (диаметром в 5 и 10 см! – щас смерил) и тискал таковые на чем ни попадя (на заливках тушью и акварелью, или анилине)

белую рубашку, украшенную черными оттисками этих клише (подарок к свадьбе?), – мать моя с возмущением выкинула

присутствовал, как бы, элемент коллажа – и шрифтов
и это тоже мне помнится – все 33 года, треть века

его рисунки, представляющие тоже несомненный интерес – помнятся мне меньше (а видел – немало), нежели эти ташистские заливки анилином – и «желтенькие таблеточки от шизофрении», равно и орлиные штампы

для меня леон л. богданов – всегда был «антиподом» михнова-войтенко: там, где женя организовывал дисциплинированный «жест», эллик организовывал «случай»

пальчиком в небо: тык – не попал... тык, тык – попал!..

михнов пальчиком в небо не тыкал, он его создавал

но эллик, своей организацией «случайного», безошибочным методом «эстетического отбора» – удивлял меня еще больше

жаль, что с ровесником (он, вроде, 1941) – встретившись всерьез в 30 лет – мне, практически, не удалось пообщаться

по причине сугубой разности кайфов: алкоголического (у меня) и наркотического (у него)

хотя повязаны мы были – «всеми нитками» (см. в Ант.):

«эллик и ентин чесались у меня на кушетке, как стадо обезьян, после коды с планом» (том 2А)

«эллик, забивая косячок в каткином садике, в январе – обнаружил под скамейкой в дупель пьяного глеба горбовского и доставил его домой, на пушкинскую

“а ведь если б это был не я – я бы замерз!” – серьезно прокомментировал мне глебушка отчет об этом событии» (том 1)

эллик, как художник и прозаик, – присутствует у меня аж в двух томах: 4А и 5Б

и доброй полусотней расплзшихся по миру (и невед куда) – литографированных и маслом портретов работы легендарной герды неменовой – виденных у нее в период написания и рисования моего

эллик был ее любимейшей «моделью»

странно, но эрля она практически не рисовала (или – не видел?)

лицо у эллика было прекрасное, боговдохновенное, тонкое

даже в период последних съемок наших, с фотографом геной приходько, в 75-м – когда эллика уже довела наркота, пополам с шизофренией

«дзеновую» прозу эллика – я упоместил сразу в две антологии: прозаиков питера «леп-розорий–23» (самиздат, 1974) и «антологию новейшей русской поэзии у голубой лагуны», том 4А, массачусетс, 1983

не могу сказать, что часто ее перечитывал: медитативная энергетика отрешенности – сугубо не по мне, даешь – динамику (и динамит)!

но она во многом идентична – и венедикту ерофееву, в своей временной вневременности, и саше соколову –

ибо писалась: в 60-е–80-е (и – «не для печати», что – характерно)

традиционщики-реалисты (будь то неопубликованные тогда же «горожане», или попросту – деревенщики) – менее отражали «внутренний мир» шестидесятника

в особенности – колеблющегося между востоком и западом, между буддизмом и христианством, в евроазиатской непоследовательности

джимми хендрикс и тибетский гонг – равно звучали в головах и в ушах
особливо – под азербайджанский чай, из ленкорани
(по соседству, в али-байрамлы, я пахал рабочим-ихтиологом на теплоэлектростанции, в 1963-м)

ленкорань возникает у элика (просверкнув в 30-е – паустовским)

читать богданова – очень автобиографично
по артему веселому – подразумеваемая канва (всеизвестная), по которой – идет вышивка словесная, узором – декором времени

так артем писал «ермака» (рукопись – спрашивайте в гб-нквд, мне известен – лишь его «прием»)

проза богданова – орнаментальна, наложением на знакомое,
подразумеваемое – ленинград 1960-х–80-х, методом чтимого мною веселого
читая – гостишь

будучи угощаем – чаем

беседа, как чаепитие

ритуал

(включил бы – целиком, в долгописомый роман «хотэль цум тюркен», в главу-узел «чайная церемония пен-клуба». включаю.)

это первое – знаковость слов-реалий, что сражает на первых же страницах элика
далее: псевдо-дневниковость – от «дневника» остается даже не запись «мыслей» (розна-нова-блока), но – состояний, в которых эти мысли приходят
нечто еще более неуловимое, нежели сама проскользнувшая мысль
зыбкость бликов на колеблющейся глади воды
то, чем развлекали себя монахи – тибета и афона, – погружаясь в беспробудный дзен
исихасты – созерцанием пупка
да и где он еще, «пуп вселенной»

я хочу созерцать пупки – с эликом

и это вот «пуповое желание» – и есть, может быть, единственная оценка – со-переживания, не-равнодушия

так – «наискосок», наверняка, леон л. богданов читал глянувшие ему книжки

так – я читаю его

тридцать лет и три года, треть XX столетия – прожитых порознь, но сообща

далее см. – ненаписанные воспоминания эллы липпы, эрля, галецкого, михнова-войтенко, горбовского, кулакова/виньковецкого, ентина, славинского, аронсона/альтшулера, хвоста/волохонского, миронова/макринова, левитина и бровиной – всего нашего, не столь уж и узкого, круга

и следующего уже поколения – кирилла козырева, и?..

Б. Констриктор Иноземец

Как потенциальному мемуаристу мне повезло – я никогда не был знаком с нобелями. В основном мне попадались на жизненном пути лауреаты премии Андрея Белого. Писать о нобелях плохо: скажут, завидует. Писать хорошо – скажут, подлизывается. То ли дело лауреаты премии А. Белого!

Мои встречи с Элликом можно пересчитать по пальцам. Да и встречался я с ним не персонально, а всегда кем-то ведомый. Прежде прозы я увидел его картинки. Монотипии. В множестве они висели и лежали у Эрля. Потом дошло и до «землетрясений».

Но самое сильное впечатление в те коматозные годы произвел на меня сам Леон Богданов. Это был посланец миров иных. Ни советчины, ни антисоветчины здесь не было и в помине. Это было другое дело, а может быть, и другое тело. Во всяком случае я до смерти не забуду взгляд Элика. На память приходит аббревиатура «ППВ» (Памятники письменности Востока), а именно – «Алмазная сутра».

Глаз-алмаз. Каково же было мне, начинающему самородку, когда Элик с Кириллом Козыревым в гробовом молчании, обмениваясь лишь взглядами, рассматривали мои прорисунки у Эрля на Гороховой. Из этого немного просмотра я вынес одно, два, три и четыре. В общем, много.

Леон Богданов представлялся мне неким пластическим совершенством, продвинутым вариантом Бастера Китона. Невысокий, угловатый, с какими-то совершенно особенными медленными движениями, он был инороден всему тотально. Это чувствовали профессора, дворники, милиционеры и т. д., и к. г. б.

Помню, как мы ходили на выставку Древина в Русский музей: Богданов, А. Ник, его бывшая жена Зденка. Была фотография, на которой Элик застыл с каталогом на углу Садовой и Итальянской (тогда ул. Ракова). А еще помню, как Борис Кудряков делал вылазку с Эрлем и Элликом в Михайловский сад. Тоже были потрясающие снимки. Куда все это делось?!

Хорошо, что осталась проза. Однажды я дал почитать толстую и бледную машинопись «хроники чаепитий» скрипачу Борису Кипнису. Этот текст на многие годы стал спутником, если не тенью, моего знакомого. Его интересовало все: и дома, где жил Элик, и как выглядит Вера, и кто такая Элла.

Постепенно мне открылась связь между прозой питерского хронографа и исполнительским искусством. Всю жизнь Богданов вслушивался в мир с таким напряженным вниманием, с каким скрипач прислушивается к своему инструменту. Богданов пытался добраться до партитуры вселенной. Вот почему фиксации деталей обычного дня (количество пачек чая, последние известия) становятся необычайно важными событиями. Элик ничего не изображает, он просто живет, он просто напряженно вслушивается в тишину мировой паузы. Вибрации его текста недоступны среднему уху читателя, настроенному на ритм фабулы. Не смысл движет прозу Богданова, а то, что за ним, музыка тонких вибраций.

Б. Кипнис **Флейта земли**

(из дневника)

.....
Человек описывает, как идет за пивом, а мы слышим дыхание и *музыку* времени. Вот размах. Леону Богданову удалось показать самую глубину и фактуру пространства, в котором он жил, и сделать это тонко и пронзительно. Атмосфера, когда жизнь – лишь неясное воспоминание, тень; когда реальность вдруг растворяется в музыке. Он эту музыку услышал и сумел записать. И я заморожен ее звучанием. Его дневник – как партитура чудесной симфонии.

Музыка не стремится к обобщению, так же как звуки капель дождя не стремятся к благозвучию музыки. Но для меня блаженство – и соната Моцарта, и ночной шум дождя. Таково и мое восприятие текста Богданова – оно выходит за рамки *литературного*. Это скорее впечатление чисто музыкальное, мелодическое. И вот оно-то в результате и рождает ощущение воздуха, пространства и единственности звука долгой протяжной ноты его творчества.

Идентификация вещей у Богданова, возможно, результат приема наркотиков. Все под пристальным вниманием: рубашка, рассвет, шум в подъезде, книга, воспоминание, и все отдельно. Перечислю еще: расположение заварочного чайника на столе, пачка «Беломора», музыка «Гагаку». Полное отсутствие *психологии* и *эмоции*. И каждая вещь и явление вырастают до размеров своей *отдельности* и абсолютной значимости. Это как бы перевод (очень медленный) взгляда с одной вещи на другую. Перечисление. Эпос.

«Листва осенью – при электричестве. Стало холодно, и мы включили свет».

От составителей

В процессе подготовки к печати дневниковых и эпистолярных текстов Леона Богданова (1942–1987) поначалу мы вообще отказались от какого бы то ни было в них вмешательства (комментаторского, корректорского), полагая его ненужным и даже вредным. Вопреки своей жанровой привязке дневники и письма Л.Б. в первую очередь и по преимуществу являются *художественными* текстами (а, скажем, не историко-биографическими свидетельствами) – они замкнуты, самодостаточны, гармоничны, и потому сноски, звездочки и конъектурные скобки, как мы полагали, оказываются насильственным протезированием самостоятельного и саможивущего художественного тела. Некоторое время спустя изначальный радикализм в пользу «чистого наслаждения от текста» показался нам чрезмерным и искусственным, тем более что Л.Б. для многих читателей – загадочный персонаж, не известный им ни как писатель, ни как художник, ни как человек, и потому какие-то, пусть минимальные сведения о нем далеко не бесполезны. Но именно что *минимальные*, хотя личное знакомство с Л.Б. позволяет нам подробно расписать и «*curriculum vitae*» писателя, и круг его ближних и дальних знакомых, и родственные связи, и редкие путешествия, и бытовые картинки. Причина нашего немногословия – вовсе не лень, но сознательно проводимая политика: мы чертовски утомлены книгами (каковых ныне немало!), на треть, а то и наполовину составленными из комментариев.

Большая часть текстов, вошедших в книгу, не представляет собой законченных литературных произведений: это подлинные письма (адресованные Миле Чистович) и подлинный дневник (две толстых общих тетради, красного и коричневого цвета соответственно), который Л.Б. вел то регулярно, ежедневно (точнее, еженощно), то с перерывами, не всегда пометчая дату очередной записи и не всегда отделяя ее от предыдущей. Почерк у Л.Б. – парадиз для публикатора: очень четкий, мелкий, по его собственному определению, «картографический». С годами почерк мельчал, не теряя, впрочем, четкости, так что микроскопические строки последних страниц приходилось читать, вооружившись мощным увеличительным стеклом. Зачеркиваний и поправок в тетрадях практически нет; к тому же Л.Б. обходился без черновиков и *сразу* писал начисто, возможно, в завершение многочасовых размышлений за чаепитием и во время «вытаптывания» линолеума на крохотной кухоньке. Орфография и пунктуация – вполне грамотные, и если не всегда нормативные, то, как правило, с определенным умыслом. Особенно много пунктуационного произвола в ранних текстах, где царит «футуристическая вольница»: то отсутствуют и школьнику доступные запятые, то следует строчная буква после точки, то конец абзаца обходится без знаков препинания. В поздних текстах пунктуация нормализуется, хотя написание многих слов не унифицировано («Беломор» и беломор; слава Богу и слава богу; «Академкнига» и Академкнига, «Дао Дэ Цзин» и «Дао-дэ цзин»), не приведены к единому виду географические названия и т. п.

Мы лишь изредка вмешивались в тексты Л.Б., слегка подправляя орфографию, и почти избегали конъектур, полагая, что в тексте о землетрясениях читатель и без нашей подсказки догадается, что «шк. Рихтера» *не означает* музыкальную школу великого советского пианиста. Короче говоря, старались избегать всего мелочного, занудного, навязчивого, утомляющего, а главное – мешающего читателю безоглядно воспринимать текст и наслаждаться им.

Перечень самиздатских и типографских публикаций Л.Б.:

Машинописные сборники стихов и прозы издавались в 1960–70-х годах Вл. Эрлем под маркой издательств «Польза» и «Палата мер и весов».

Окно, открытое вовнутрь – *Лепрозорий–23* (1974).

1974 год – *Часы*, 16 (1978).

Шесть писем; Возвращение в 1974 год – *Часы*, 23 (1980).
Красные карточки – *Часы*, 39 (1982).
Отрывки – *У Голубой лагуны*, 4А (1983).
Отрывки – *Транспонанс*, 26, 27 (1985).
Заметки о чаепитии и землетрясениях – *Часы*, 55, 58 (1985).
Ломоносов; Шестнадцать; Сон; Где это? – *Митин журнал*, 13 (1987).
Последнее – *Часы*, 70 (1987).
«В первый день листопада...» (Стихи) – *Митин журнал*, 28 (1989).
Шесть писем на желтой бумаге; Черногория – *Лабиринт/Экцентр*, 1 (1991).
Проблески мысли и еще чего-то – *Вестник новой литературы*, 3 (1991).
ТР-Р ТР-р – *Поэзия и критика*, 1 (1994).
Отрывок – *24 поэта и 2 комиссара* (1994).
Лучей нет – *Новое литературное обозрение*, 25 (1997).
Большинство названий опубликованных текстов принадлежит публикаторам.

О нем:

Б.-К. <Б. Останин, К. Козырев>, *Поиски дервиша* – *Часы*, 70 (1987); *Новое литературное обозрение*, 25 (1997).

Творческие достижения Л.Б. были восприняты в среде ленинградской неофициальной культуры как выдающиеся. В 1985 году ему была присуждена премия Андрея Белого с формулировкой: «За “Заметки о чаепитии и землетрясениях”, позволяющие европейскому уху услышать “в музыке флейты земли – звучание флейты неба”». Сильнейшее впечатление от творчества Л.Б. засвидетельствовали Вл. Эрль, Б. Констриктор, Б. Кудряков, А. Драгомощенко, Д. Волчек, В. Кондратьев, А. Левкин; некоторые из них назвали Л.Б. в числе своих литературных учителей.

К писателям, оказавшим на Л.Б. особое влияние, следует, в первую очередь, отнести В. Хлебникова, В. Розанова, С. Беккета. Л.Б. очень внимательно изучал японскую и китайскую литературу. Несомненно его взаимодействие с неофициальными ленинградскими литераторами и не-литераторами (в т. ч. круга «Малой Садовой»): Б. Понизовским, Ю. Галецким, А. Кондратовым, Е. Михновым-Войтенко, Л. Аронзоном, А. Хвостенко, В. Швейгольцем, К. Кузьминским, Вл. Эрлем, А. Ником...

Относить литературное и художественное творчество Л.Б. к «психоделическому», объясняя его формальные особенности специфическим воздействием наркотиков, мы поостереглись – как из боязни впасть в «фармакологический детерминизм», так и по причине нашего неведения о сущности и границах *свободного* творческого акта. Возможно, наркотики лишь усиливают уже имеющиеся у автора творческие «интенции», а не побуждают к формотворчеству на пустом месте, тем более что в случае Л.Б. речь идет всего лишь об очень крепком чае («чифире») и индийской конопле («плане»). См., впрочем, об этом у самого Л.Б.

Сказанное касается и такой «соучастницы» творчества, как психиатрическая лечебница, что неоднократно обыграно в формуле «творчество – это безумие». Л.Б. несколько раз лежал в психбольницах (Скворцова-Степанова, что возле Удельной; на ул. Лебедева; в поселке Никольское, под Гатчиной), но и здесь невероятно трудно определить «причины» и «следствия» психических и творческих актов – мы оставляем эту тему, равно как и тему сотворчества наркотиков, тому, кто смелее и безрассуднее нас. По выходе из больницы Л.Б. получил инвалидность второй группы и небольшую пенсию, обеспечившую ему полунищий досуг. Примерно раз в месяц он «ходил на укол», о чем упоминается в «Заметках...».

Круг общения Л.Б., сравнительно широкий в 1960-е годы (в «малосадовские времена»), в 1970-х годах стал резко сужаться и вскоре ограничился семьей (жена Вера Курочкина, мать Антонина Васильевна) и немногочисленными друзьями (Кирилл Козырев, Элла Липпа, Герта Михайловна Неменова, Борис Останин). К слову сказать, Г.М. Неменова за четверть века написала более 100 портретов Л.Б. – беспрецедентный, насколько нам известно, случай в истории живописи!

Из дома Л.Б. почти не выходил, жил затворником, самый обычный для многих поход в продовольственный магазин оказывался для него событием, не говоря уже про редчайшие «выезды в центр» или «приглашения в гости». Из мест жительства писателя назовем квартиру в Купчине и комнаты на Петроградской стороне (ул. Блохина и ул. Ленина). Последний год жизни он провел на улице Лизы Чайкиной. (Упомянутая в книге «лошадка» содержалась вместе с осликом и бричкой в некоем подобии конюшни во дворе этого дома. Ее хозяин, предприимчивый армянин, зарабатывал в начале 1980-х годов неплохие деньги, катая на них иностранных туристов по Невскому проспекту.)

Внешних событий в жизни Л.Б. было, в общем, немного; писатель принадлежал к числу тех, кто «путешествует, не выходя за порог своего дома». Его отличали самоуглубленность, молчание и постоянная внутренняя работа, лишь изредка фиксируемая в словах или образах. Даже когда Л.Б. ничего не делал, невозможно было сказать, что он праздно проводит время...

В целом Л.Б. был «внесистемным мыслителем», что объясняет его близость к В. Розанову и привязанность скорее к образному мышлению, чем к логике, но было бы неверно вообще отказать ему в определенной системности и даже *ритуальности*, проявляющейся как в бытовом распорядке, связанном с «дальневосточным» чаепитием, так и в постоянном изучении землетрясений и иных природных и социальных катаклизмов. Впрочем, в каком смысле слова он их изучал? Не правильнее ли сказать, что Л.Б. неким образом *видел* «тонкий порядок» катаклизмов и пытался найти к нему ключ – подобно В. Хлебникову с его «досками судьбы» и «струнами времени»?

Конечно, прогнозированием природных и общественных беспорядков человечество занималось не одно тысячелетие (та же астрология), но только в последние годы – в связи с возникшей возможностью очень точно измерять скорость вращения Земли вокруг своей оси – этим всерьез заинтересовалась и наука.

Л.Б. мечтал прогнозировать то, что, казалось бы, не поддается прогнозу (ср. икота в ерофеевской поэме «Москва-Петушки»), пытался обнаружить скрытый порядок в зримом хаосе – но разве не этим и занимается искусство?

Дневниковые записи Л.Б. можно отнести к жанру, если таковой существует, «великое в малом»: сосредоточенные на простейшем (подробности быта, радио- и теленовости) и выраженные простейшим образом (переписанное из газеты сообщение), они позволяют читателю немало узнать об отошедшей эпохе. Среди прочего, и о том, что хорошего чаю и хороших книг было, не в пример нашим временам, мало, но, однако же, они *были*, что их «выбрасывали» (то есть неожиданно пускали в продажу), что за ними приходилось стоять в длинных очередях, получать в подарок от московских друзей, заранее заказывать по издательским планам – но и о том, что хороший чай и хорошие книги пили и читали с вызывающими зависть умением и наслаждением. Впрочем, Л.Б. почти ни в чем, кроме чая и книг, не нуждался, сумев ограничить себя этой *великой малостью*. В отличие от любителей «быта как такового» (К. Леонтьев, Л. Толстой, В. Розанов, В. Набоков), Л.Б. предпочитал, чтобы быта у него было «совсем чуть-чуть», «на последнем издыхании». Его аскетичность относилась не только к быту, но и к творчеству (простые средства, второсортные материалы), причем задолго до деклараций «Догмы» и, вероятно, в продолжение «корявости» русского футуризма.

К славе и известности Л.Б. был безразличен, хотя даже в среде «неофициалов» авторское тщеславие представляло собой немаловажный компонент жизненной установки и творческой стратегии. Мысль «продать себя подороже» просто не приходила ему в голову, а если бы случайно и пришла – он не ударил бы ради нее и пальцем о палец.

Возможно, не все читатели готовы к чтению, восприятию и пониманию текстов Л.Б. (особенно ранних), а тем более – к наслаждению ими. Чтобы облегчить им труд, мы публикуем произведения Л.Б. в *обратном* хронологическом порядке. Эволюция литературного стиля Л.Б. (условно говоря, от сложного к простому и от простого к универсальному) – благодатная тема для размышлений и выводов; мы оставляем ее профессиональным литературоведам.

В ранних текстах внезапное, но очень точное наблюдение, изумительная метафора, проникновенное размышление то и дело пресекают читательское дыхание:

«Осколки зуба на верхней десне ощущаются как звезда», «Я видел ряд цветных закатов, похожих на устойчивую валюту, багряно-синих», «Пыль – национальный продукт Эстонии», «Чайник заварочный и пиала, очень точно расположенные на столе и относительно друг друга, как-то белой ночью произвели на меня неизгладимое впечатление»...

В поздних текстах Л.Б. отказывается от такого рода фраз как от «слишком красивых», отбрасывает исчерпавшее себя *поэтическое* в пользу чего-то другого, не менее сильного. Наблюдения, метафоры, размышления уступают место «эстетике списка» – то в масштабах целой планеты (перечни землетрясений и политических коллизий), то в размер кухонного стола (перечни сортов купленного чая, издательские планы). Следуя совету А. Введенского «Уважай бедный язык, уважай нищие мысли» и самого Л.Б. «Надо думать ровнее, чаще возвращаться к одному», мы *уважаем* эти списки и снова и снова *возвращаемся* к ним. И вот результат – поэтическое дыхание текста восстановилось: наше читательское дыхание вновь удивительным образом прерывается, на этот раз по неизвестной нам причине.

Воистину прав писатель, сказавший, что «чудеса могут происходить и в самой спокойной обстановке».

К. Козырев, Б. Останин

Заметки о чаепитии и землетрясениях

Часть 1

<1980>

как пишут на шелку, в орнаментальном стиле, со всей равнины камышей, из таких потоков, где по камням течет мелкая, но черная вода красивыми петлями, которые мы видим сверху, собирается эта река (а не из Луги и таких протоков, да и не важно ее название). От моря сюда, до почти неуловимого порога по ней, это я видел, прилетают два белых морских орлана, держась друг за другом. Ничего не слышно, поезд встал, и ветер видим. Птицы возвращаются чистые, Балтийское солнце оставляя с правого бока. Не помню где это, год 52-ой.

...«Чудесным образом», скорее дом изменится внутренне и внутри, чем что-то повторится в окружающей природе целое; напоминание существует ради сравнения в уме изменений – к лучшему. А понимание доходит только до приятного, т. е. оно протекает в окружении никакого и неприятного, как «Футбол 189... года».

«Кто старое помянет...», что же в этом приятного? То, что только так испытывается полезность фикции времени. А пословица, со своей фиктивной абсурдностью? Основывается на необходимости поддержать коллективное суеверие. А поддержанное такой формой самознания общество противостоит наркоманической и кшатрийской дваждырожденности, дословности.

«Пагсам-Чонсан»

Опавшие листья у хижины,
где коротаю досуг.

Возле самых ворот,
где нога человека, похоже,
не ступала с утра,
на опавшей листве павлоний
росной влаги прозрачный отблеск.

разве все люди так согласны жить? в коммунальных квартирах, в одной комнате? «Хорошо сейчас там, где нас нет», как то, что всегда где-то в космосе льется пиво. Вся мысль в этом. Рядом с условным резонерством пословиц безусловно-абсурдное... Как нет не пустого в сущности от значения вне речевого контекста... тут мы уже за диалогом, как за околицей, с фантомами загадок.

каждый красный дом музейный экспонат, осколок другой исторической эпохи, ново-голландской...

небо желто-зеленое к буре в Прибалтике. небо зелено на восходе от брызг морской воды. ходячее это мнение или правда? Не должны ли мы считать все пословицы порожденными художественным вымыслом?

подмости.

но и: где это там потом все тогда и беру? Я освободился и не нахожу места... Всего надо разом, вместе с тем все есть и ничего не надо. Стихотворение на предыдущей странице – пьеса, либретто, идея. Довмонтов город на Петроградской.

Г.М. Неменова. Портрет Л. Богданова

Чтобы дух был ровен в день. Лиши смысла поговорку – анти-Даль – тренировка в разъиллюживании. «Не все коту масленица...» – анти-Мелвилл пломбирный Пипл Темпл

что называть, смотря ясным взглядом. При ярком свете это все (связанное с умиранием) становится видно, и вот почему, когда этого нет, свет неяркий. Так же как близкие, непереносимыми становятся поговорки, когда понимаешь, что тех и тех роднит одно абсурдное, невыразимое в мире слов и условного значения. И как неяркий свет не дает предвидеть, так же условными значениями ослеплено сознание лиц. Что же должно успокаивать? Что дети в субботу еще только ходят в школу? И им больше достается света совести.

В азербайджанский чай переплетен Рёан с Рёканом, с оранжевым солнцем, а мы пьем чай из Ленкорани, вот что-то такое для противовеса. Не спеши и ты успеешь.

– Где мне напечатать твое стихотворение, здесь же?

Если небо утром зеленое, обязательно будут известия о буре на Балтике. Просто желтое, чтобы не дремал.

Так вот холодно и как бы не существует ничего и этого-то, что с трудом удавалось вспомнить. Так холодно и бывает только в феврале – марте.

Крепкое розовое. И вот сплошь да разом выходит, что сильного света нет и достаточно крепкого чая нет. Все окутано патиной здравого смысла, и только из-за того и становится выносимо кичливое и пошлое на земле. Я ничего не видел только месяц и шесть дней, а что-то случилось. И один только ты можешь и выжить в создавшихся условиях.

Как краток первый проход на воле, как легки, ну а это и на три – первые две бутылки «Лидии» полторы недели. И я и идти не могу, а могу что-то выделывать такое ногами. Время года, та весна, что последует за идентификациями в пустыне. И чтобы значит и считали ее осенние цикады и ордена «Известий», стрелки в стиле Бернара Бюффе на будильнике и неуловимо напоминающая что-то перепечатка (коаны Рёкана). Черно-корейская месса буддийская – утренний прогноз. Марта 1-ое, как всегда пасмурно. Легче первоапрельского дуновения свежего воздуха в атмосфере чайной, после кризиса простудной болезни. Мартовский человек.

Лежа и руками я пытался воспроизвести благоговейные жесты безличностной благодарности или «радости».

Недавно в прессе появилось сообщение, что исследования одного ученого из Америки показывают, что индейцы майя в своих летописях отмечали фазы планеты Венера так же пристально, как мы положение Луны. Сегодня 1-ое марта, спускаемый аппарат был посажен на Венеру... птица поет немного звонче; случаи, когда воды так много, что всю грязную посуду и сальную решетку в раковине и саму раковину можно равномерно промыть под непрерывной струей, когда чая так много, что день кроме снов состоит из церемоний, благодарящих Веру, которая все для тебя это все-таки сделала... и т. д., когда глаза и не замечают никаких перемен к лучшему, кроме как уточнений в чайной утвари, в сторону упрощения ритуала, когда свободы столько, что буквально места себе не находишь... и т. п. По-видимому, и не хочется расставаться ни с чем этим.

2-го. Алжир требует Францию выдать участников банды, укравшей несколько Ренуаров в Алжире.

Ну, а когда, как не 2-го марта, бывают вторые похороны рыбаков с потонувшего судна. Вера видела.

Я еще из тех периодов, когда художники ходили ватагой. Изю всего Фолкнера «справедливости» и «красных листьев» ради, вырезывал «стрекозу и муравей». Иллюстрированный Jimmy H. В местах не столь отдаленных слышал по радио объявление о лекции Меньшикова об Алексееве. Как с моим диван-кроватью. (Был заказан порошковый Лотреамон.)

Не только хуже оплывший, чем на булыжниках, лед, но и крошенный, как гранит, воплощенный во льду... Родился я, верно, с головной пронзительной болью. В феноменально короткий, мистический срок нетривиальным образом разрушал вещи с общей точки зрения зрелые, раздавить в руках чашку, etc. Слова отца за едой – вывод, что к сказкам и басням относится большинство, если не все «не даром говорится» в пословицах. Объявляя народнические мифы ересью открыто, он оказывал влияние авторитетом отца и за обедом. Но на кувшинчик молока вечером на утро напомнит. Низкое небо издавна началось, как и чернота не этой весны, силы Инь и Ян, антитеза жизненности и иллюзорной темной безжизненности, медленнее всего пово-

рачивающаяся идея. Но и вместе с тем выражающая безначальная очеловеченность копошения пустоты, очеловеченность безлюдья и предрассветный свет, из чего, кажется, и происходит существование еще некоторых форм общения, сумерки, в которых сумело затаиться человеческое существование, кажущаяся противоречивой человечность улицы рядом с абстрактностью номера, понятия величины или антропоморфным и зооморфным. Светает и желтое перестает просто пугать, зеленое – освещать, черное блеснуть. 4-ое. Видьте крупнее, точно, воздуха течение приостановилось, началось что-то весеннее. Март сообщил свою золотистость

Есть еще и все остальное.

забыл записать, что, как симфонический оркестр, по телевизору, похож на помойку, а еще там была кирха: никого, все залито солнцем.

эпический трагикомизм, в конечном счете тоталитаризм жизни создают культ сильных чувств. В непереносимом давлении страстей на мою натуру разглядывается только то положительное, что полное несогласие мое со школой сильных чувств одно поддерживает эфемерное существование индивидуалистической модели в философском подходе к существованию. Кроме несогласия ничто бы и не напоминало о существовании моего, другого взгляда. Так все-таки легче. Деревенька весенняя, на поворотном круге в этот раз не дала о себе знать, не успела. Что-то там сплавлялось постепенно из дополнительного света, ночью грязно-желтого, днем, к вечеру ничего, на вид даже приятного. Теплом оттуда впервые веяло. Как-то под вечер второго дня, 5-го марта стало видно, как лед изменился в отражения, и перед нами опять абсолютное единство раздвоения. Сопутствующий пар стал как туман повыше домов, вы замечаете, что и здесь мы, как и везде в этом отрывке, чем-то отделены от источника света...

– Господин отец, а господин отец, что если Адалин весь этот был не прав?

Начать с того, что мне этот скромный скрытый рынок не мешал, как и весь район, что-то вроде между свай и деревья на разнородной части моста, как и их кустарщина. Пусть там не было тропических плодов... Вот хранить подобные воспоминания, как об местах ниже уровня моря, хотя бы только в уме – в этой деятельности уже что-то типическое.

на пути, которым никуда нельзя сходить, т. к. на всем пути ничего открытого нет. им можно только идти, как оттуда (из Волковой деревни) в клуб X-летия Октября. Работающий ночью на излучине гастроном речного участка и трактир в многоэтажной школе и больше нечего вспомнить. Этот одинокий путь, которым когда идешь все в твоей воле. к слову яркое запомнилось вмешательство чужой воли, это клумба, где вперемешку с садовыми ромашками посеяны васильки обыкновенные. Но и как бы неожиданно, недуманно она ни возникала, это не производило диссонанса. Я описываю, что бы мне хотелось взять для своего города. Я хотел бы взять путь по задворкам, на котором и человека-то не встретишь, надо брать его с собой в дорогу и потом стараться не растерять двуединого восприятия. Охотник поговорить. Но мы еще вернемся (к этому вопросу).

Это было во времена, когда проводилась кампания по борьбе за экономию электричества. «В двух полутемных шагах она обернулась, оглянулась...» Оборот составил образец современной прозы. Но ведь только на место чернокожего себя и принято было ставить. Почему же на окраине чувствуешь себя первооткрывателем, там, где все осмысливаемое дословно, где обширны горизонты и ты один на один с еще более одиноким вторым своим я? Очередь за вином у светящихся забегаловок и магазинчиков. Тоже окраина... может, человеку как за вином туда надо или просто он, может, шел за вином?

Первую весну, с туманами, ту, что для поэтов, когда можно куда-то пойти, если бы не вялость, просыпаю. Думаю, самую скованность перехожу из угла в угол.

Внутренний голос говорит, что, когда само оцепенение качественно изменится, превратится в весеннее, поглядывать будет поздно, если поглядывать – то тут. Так думают многие. У людей прорезались птичьи голоса. Умер Т. Монк, а в Купчине с птицами дело обстоит, как в зоопарке, встречаются птички и очень красивые.

а это так только потому, что там, вообще кумирня «на углу». Что же рассмотришь в чужой тени великого в малом, дающего...

судебная орнаментика восточная

Процветание на снегу черных по-весеннему колючих кустов и людей в темной зимней одежде, заметных на последнем снегу. Брейгель тоже жил над детским садом. А мы тут стоим (на Мало-Московской) защищать вершки православия. Про обед – запретный плод. Заявляется о готовности районов к половодью и настроение должно подняться. Кстати, нашей тропкой, где знакомы все неровности почвы, рывины и ухабы, на закате бредут и бредут люди. Дети сегодня индифферентны. Проходят минуты, а кажется, что все прошло. Весна. А люди все идут – и полшестого и полседьмого.

Только когда с кондициями 2000-го года будет сосуществовать безвременье зимнего Санкт-Петербургского двора и осуществлять фантазию художника начала шестидесятых годов, полноценно будет осуществляться принцип жизни, заложенный код будет проступать прямо и правильно, как время на электрических часах с выскакивающими цифрами. Тогда этот шифр непосредственно, без перевода будет доходить до сознания и осуществления своего, а когда не одновременно сосуществуют эти факторы, то патологически не доходит смысл жизни.

Как и читать об Кяхте не пив чая не советует не залежалый, как невечерний, как язык – совесть. Момент, когда персонажи молчат, а яблони цветут, вечен. Молча глядят с улицы через палисадник в окно, и им кажется разное одно и то же. Максимум фиксации. Предложение новоиспеченную француженку хлебом накормить, а так в остальном она нормальная. Главное, и я потом много раз убеждался, как продуктивно подвергать данной интуиции жизнь характеров. От их сложности камня на камне не остается. Спрашивается даже не что, не на что ты смотришь и что ты видишь просыпаясь – как часто это бывает, а сколько раз начиная с полудня ты видишь что-то, как впервые. Например – в час поглядел на весеннюю улицу, ближе к двум так же поглядел на плевок, застывший на домашнем тупле и т. д. И вот выходит, что именно потому, что тебе нечего об этом сказать, и говорится. И опять как не было ничего на другой день.

Освещенные окна – как созвездия, а сами созвездия наблюдаются в открытые форточки – видимое гигантское световое табло. В разные часы и дни говорящее о разном, но о вещах предельно значимых. Это и есть язык цивилизации. Вот и кажется, что тебе многое предстоит узнать. И ничего в ней не понимая, не вижу причин не любить то, что дошло и понял. В самом этом по себе не вижу ничего нового как в проблеме. Солнце встает на небе равномерно. А сверху оно вот такое и есть – не белое и не красное. А так то те племена, что считаются самыми счастливыми, кроме того, что лежат да стоя заботятся о хлебе насущном, просто еще и водят хороводы друг за другом согнувшись – и это вся мудрость. Шесть по семибалльной шкале на юге Хоккайдо. И Калабрия. Ряд огней – каждый огонь новый – смысл ряда (у Козлова).

И у детей бывают дни, когда что-то не клеится, но в массовых играх мы этого и не видим. И так приятно на них смотреть, как писателю писать, когда не пишешь ведь тоже что-то не в порядке. А когда пишешь и не замечаешь, как время проходит. Я понимаю, что то сравнение было предельным, дальше оставалось сказать, что Брейгель и есть такой писатель, который рисует, поняв тщету слов.

Есть красный и черный цвета на белой бумаге и есть белый свет в витраже. Белый цвет и белый свет, каждый мучается сам по себе. Предельное сближение. Учись не делать ничего. Только такой безапелляционный контраст, как красного с черным, вызывает представление от «белого» цвета о белом свете, но с этим каждый сам должен знать, что делать.

Глаза устали от голубизны, с музыкой порывистого ветра, которого нельзя не заметить. Как бы и мы подойдем

По поводу Брейгеля. Поселите на мое место детского писателя, чтобы он мог наблюдать за играми детей. Снег в марте стал такой ноздреватый, грязный и рыхлый, что все дети собрались на замерзшей луже. Они больше всего напоминают сточенные цветные карандашики или надломанные мелки. Что они делают на льду? Нам уже почти ничего не дано, и мы испытываем уважение, считаем, что это самоуважение – не требовать, чтобы мы осмыслили по-особенному то небольшое, что есть. Например, игры детей. Чтобы их осмыслил один человек – этого много. Мне как бы вот с этим приходится дело иметь. Но если подумать, то со многим и другим. Параллель детским играм. Я почему-то выбрал декабрьскую оттепель на городских каналах, но это сближение отдаленного. Давно.

Такой яркий блик на окне, что и стены и ничего кругом не видать. На небе гряды дождевых разорванных туч. Ветер. Постукивает с вечера вчерашнего наш дом всеми балконными приспособлениями. Продувается городская окраина. Люди в весенней одежде держатся кучей, чтобы не унесло, как цветные лоскутья бумаги. Воскресение. Весной не страшно. Холодно по-настоящему. Только после этого установились утренники, в хорошее солнечное утро у нас между домами сизый туман, не похоже на любую другую погоду. Начиная идти, люди видят весь свой путь намного дальше. Так бывает при безоблачном небе оттого, что сейчас еще солнце не способно разморить. Веет духом весеннего благородства. Сколько бы не было воды под снегом и под ногами, как красиво. Как чай хватает за душу. Ранняя весна, утро. От весны до весны – несколько лет. И что всю жизнь будешь не признан – оцени это. Отец наш старался, чтобы мы были счастливыми, а не признанными. Снег в Баку, в Грузии, в Сухуми – он это видел. Подземные толчки в южной Боливии, южной Мексике...

<1982>

Когда понимаешь, что уже и не остается ничего понять, и ложишься опять. Вспыхивают лампочки за твоими окнами, как короче не сказать, и их подмигивание складывается в лаконичную надпись – надо всем звучит политическая новость. Новый город напоминает газетный лист. В старом городе мы знаем об этом больше на слух: упал «Салют-6», землетрясение на Байкале, Индира Ганди совершает поездку в США.

Пахнет чаем, потом яблоками, отдает «пепси-колой». Гвоздики. Мне даже снится, сколько пасты в стержне должно оставаться. Вот как давно прошли и кончились белые ночи, а продолжают кое-как чайные дни, когда нет ничего сложнее в жизни, чем заварить чай, закурить беломор.

В старом городе соседи лукавей выглядывают из окон, хотя то, что им открывается, не содержит и намека на лукавство. Хлеб, до которого мы договариваемся в течение дня и на закате, как цветной кинофильм, разноцветное небо надо всеми этими новостями, зрелище в новом районе. Теперь солнце садится в одиннадцать, прошла половина лета. Вера уехала, оставив нас с матерью в маленькой комнатке, но здесь с новостями обстоит не лучше. Пьешь чай и догадываешься о завтрашней первой новости. Люди разъехались на лето или еще разъезжаются, и целые дни квартира принадлежит нам временно. Я хожу с утра до ночи по комнате и коридору, захожу на кухню. На том свете так тихо потому, что всегда только что кто-то умер. Как в шуме городском ни мало нашего, но этой тишины мы не ищем.

Но счастья три раза и не ловят, удовлетворяются неуловимостью его и в первые два.

Вот и не пей крепче «Цейлона», и запомни, что чай растет не на Тибете, а на Кавказе, и тебе это надо бы знать лучше, чем кому-нибудь другому, а так и ходи, как помешанный. Мать ушла постоять в магазинах, а я остался дома. Вот что все время повторяется, вот что мне о себе приходится сказать. И чем раньше она это делает, тем лучше. Сегодня я проснулся от оглушительного, одинокого раската грома, понимая то, что я не в Индии Купчинской, а в старом городе, что это как-то меняет дело. Круглая туча, как бы сошедшая с картины Рейсдала, но вышитой болгарским крестом, стояла за окном над трубой. Оттуда сюда долетали капли дождя.

Прошла обнаженно-гротескная весна, белые ночи, такие холодные в этом году. Теперь уже начало августа. Все еще хожу по дому, почти не выглядываю на улицу. Значит, все есть. Да что мне-то видеть: группы туристов в старом городе да алкоголиков, которые и по двое уже составляют группу? Меня, я надеюсь, не замечает никто.

Под тучей прогноз составлять как-то не принято, и день выглядит бедным новостями. Правильно угадать, значит, правильно вспомнить.

Те минуты, когда забываешь о действии «Беломора». Вот что значит, что я чай выпил, а дело выдумываешь себе сам. Наши чайники я узнаю сразу. Немного жизненного пространства кухни захватываю себе. До сих пор, все это время, нам хватало индийского чая. С начала года не было почти перебоев.

И, конечно, забываешь, что куришь. Под уличным беспокойством я не нахожусь, и мне доступны все домашние беспокойства.

С кем я общаюсь немного? С подобными себе психически ненормальными людьми и радуюсь, когда и они меня не замечают. *Это одно позволяет* по временам поддерживать культурные общения. Жить так, что было или предстоит какое-то интересное дело, одно и придает смысл прямому стоянию на ногах. Но больше их и не может быть.

Варю вторяк. Не выбрасывать же такой хороший чай, тем более что у этого чая вторяк крепче первой заварки. Приходится подыскивать дела самому, да еще не становиться за это известным. В уличной суматохе, каких бы это ни вызывало нареканий, я сразу же отступаю. Пока никого нет, все это принадлежит нам, точнее, мне и я спокойно могу ходить по всей квартире. И курю. Ждать абсолютно нечего, даже при этом утро проходит незаметно. Вчера попал в книжном магазине на запись на Фолкнера. Очередь в два счета вынесла меня на улицу.

Между первым и вторым чаем получил письмо от Веры. На юге холодно.

После чая первую. Жду итогов вчерашнего дня. Значит, созревают плоды сегодняшнего недеяния. Кончилась лошадиная жизнь. Ведь лошадь, всю жизнь здесь ходя, никогда не слышала последних известий. Года два уже не видать эту лошадь. Завтра меня здесь не будет. Напоследок дом напротив, загораживающий весь вид на улицу, показался не таким уж большим. Из кухни у нас видно телевизионную башню.

Политграмоте учусь у вывесок. Задернуть занавеску, выбросить косточку от абрикоса, ходить из угла в угол, все это лучше делать у себя в комнате. Радио и газета ни о чем мне не напомнили. За несколько дней вот заметка, которая не оставила меня равнодушным.

«АРХЕОЛОГИЯ. Находка в горах.

В горном районе северо-западной окраины штата Джамму и Кашмир на высоте 3.600 метров группа индийских археологов обнаружила руины древнего буддистского монастыря, относящегося к X веку нашей эры. При раскопках были найдены 12 статуй из дерева и слоновой кости».

Вспоминается свежий сон, мне снилась японская буддистская скульптура, как всегда в руку. Эта политграмота и есть чай.

Как ошибочные взгляды в ничем, и находят себе поддержку вот эти дни. Не жаль сознания потерять. Будь правы диалектики, их постулаты печатались бы на пачках чая. А так этот чай просто лежал рядом с тем, что индийским называется. Примиряющая тенденция – афо-

ристическое что-нибудь вроде: ошибки делаются, чтобы правильно вспоминать. Так и мечты суммируют неправильные взгляды, и их надо переваривать, чтобы они пришли в соответствие с реальностью.

Под окнами листва кипит, как чай в чайнике. Ветер, разыгравшийся не на шутку, вымел последние облачка с неба. Уже осень. Отапливаемся газом. Вода холодна и напоминает о близких утренниках. Но сегодня день обещает быть теплым. Молодею во снах, старею, сидя в четырех стенах. Вера смотрит телевизор, я смотрю в это время сны. Мне снится, что финские толстосумы придумали способ заставлять вулканы передвигаться сами по себе и ищут вулканические горы по всей Скандинавии, чтобы привести их к себе, под Хельсинки. И действительно, во сне, в заоблачной выси тут виден уже один вулкан. Суоми, Самоа... Утром передают, что началось извержение Сент-Хеленс. Вот какие странные превращения претерпевает действительность во снах. По телевизору такого не покажешь.

И иди. И тогда куда-нибудь, когда-нибудь ты приходишь. Чем ближе мечты к своему осуществлению, тем прочнее стирается в воспоминаниях эта разница и становится непонятным: мечты ли это реализуются, или явь до того переплетается с мечтами.

Свет в прихожей, невидимый с улицы. Новый день настает. Нашумевшим слухом и живи. Остальной свет уличный. Не нервничаю и прикуриваю одну от другой. Выдался денек, когда рассвело дружно в восемь. Слышен каждый звук с железной дороги, это вдохи и выдохи города. Выпил лечебный чай и надо размяться. Если посмотреть вдоль рельсов, виден Исаакиевский собор. Вот и все, что нас с городом связывает. В остальном он заявляет о себе несмолкающим гулом. Насколько привычней и понятней звуки с железной дороги, что они целиком растворяются в городском шуме, незаметны. Пробовали ходить гулять, но и с другого края района ветка железной дороги. Ночью это впечатляюще. И получается, что мы только и живем проходом и уходом поездов, набирающих тут скорость. Сад вдоль железной дороги напоминает ошипанную гроздь винограда, что само по себе напоминает миф о пьяной деревне, даосском винном рае. Но надо хоть раз поесть мяса Витебского вокзала. Уж осень, съездил в Пушкин.

Красные, желтые и зеленые кусты и деревья на дворе. Как из астрономической обсерватории, разглядываю дома за железной дорогой, самые дальние, которые здесь видны. Хотя там днем и разглядеть-то почти ничего нельзя. Третьего дня выпал иней и трава так и осталась белесою. Неторопливый разговор за окном, нюхаю осенний воздух.

Как только я здесь просыпаюсь, я обретаю газовую плиту с чайниками. Заварить чай здесь не такое уж большое торжество. Пью и слушаю «Международный дневник» или проглатываю с ленинградским выпуском последних известий. Но зная об применении его к себе, я каждую заварку воспринимаю как особенный ритуал, вернее, подбираю к ней некоторые ритуальные препятствия, выдуманные, говорю об этом заранее. Как пить нашу чистую ленинградскую воду после чая – вот ритуал.

Свет в прихожей, невидимый с улицы, все тепло сборов. Прихожая расположена в самом сердце дома, и только здесь мы договариваемся окончательно о наших делах. Я остаюсь, так уж повелось, что я весь день один дома. Безветрие. Пью чай, оставшийся с ночи. Вчера выпал снег, и детскую площадку под окнами, кустами разделенную на участки, вижу сквозь занавеску. Ловлю и не поймать отраженный белый свет на потолке и стенах. Вот когда можно походить и подумать. На зеленые деревья выпал снег. Здесь у нас оживленно на углу, как на улице. Не хочется выглядывать, потому что здесь все время таскают мимо окон детей. Сильный ветер не продержался долго и нанес с севера снега. Сегодня, слышно, начинает таять. Варю свежий индийский чай.

Теплые, сырые дни. Снег сошел, не пролежав и трех дней. Еще настоящая осень. Конец октября.

Светает так медленно, что я успеваю полежать с включенной лампой. Заметил, что что-то в образе жизни неумовимо изменилось. Привык к новым условиям, которые вообще-то не раз

становились для меня спасением от уличных треволнений. Я очень рано засыпаю, первый год, когда не слышу Виллиса Канновера. Мама привезла книгу Никитиной о древней корейской поэзии в связи с ритуалом и мифом. Сны к концу года начинают сбываться.

Чай выварил. Это уже другой день. Солнце светит широко и привольно. Раньше люди, выходя из дома, оказывались под деревьями, голые сучья да лужи на асфальте сейчас их удел. Никуда не тянет выйти. Западный ветер колышет остатки листьев. Здесь совсем не растут сосны и ели. Да, да, люди вспомнили время года и оделись почти сразу по-зимнему. Небо безоблачно, кошки вышли посидеть на опавшей листве.

Электрическая лампа включена. Осенью – луна. Ее вид остановил меня сегодня с первых же шагов. Как – это надо знать. Луна садится и затемняет свет сотен квадратных окон, напоминая какой-то голландский пейзаж. Я такого пейзажа не помню. Значит, это антивспоминание. Первое ноября. Плюс два градуса. Два фонаря и луна делают невидимым свет городской. Электричество сегодня успокаивает, всегда – тревожит. Еще нечего делать нам с луной.

Солнце взошло, но и с солнцем нам нечего делать. На рассвете прошел снег. На дорожках он сразу растаял. В воскресенье возвращались от мамы и как бы для всего уличного закрыли за собой дверь. Живем только своими проблемами. Неделю назад умер Брежнев, траур уже кончился. Лично у меня какие проблемы? Чая выпить да покурить. Весь год проходил из угла в угол. Читал «Корейские предания и легенды», Цыбикова, Бежина «Под знаком ветра и потока», «Дао и даосизм в Китае», заглядывал в сборники китайских новелл. Почти нечего вспомнить. Так, на ходу и прочел, пользуясь светлым промежутком дня. Теперь темнеет рано, в пять, в шесть уже и строчки не разобрать. Даже во сне снится, что я владею манерой исполнения вслух китайских стихов. К кому из старых знакомых ни обращаюсь, не нахожу понимания. Что им? Что петь скандинавские руны. Прервал почти все знакомства. Да, где-то здесь же прочел Бежина «Се Линюнь», или еще в прошлом году, уже не помню. Маленького Го Си запомнил, потому что брал его на ВТЭК, а мне дали 2-ую группу пожизненно и больше на Васильевском раз в году не надо отмечаться. Вот, по-видимому, все, что я сделал в течение года. Еще раз в три недели хожу на укол, а так провожу свои дни в абсолютной праздности. Хочется сравнить манеру исполнения китайских стихов с тем, как, зная слова песни, догадаться о ее мелодии или, в ином плане, как по стуку пишущей машинки догадаться о содержании печатающегося текста. Или по виду освещенных окон догадываться о политических новостях, которые равно дойдут до тех, кто дома и кого нет. Вот настоящий аргумент в пользу очень пристального чтения.

После сна ловлю себя на ощущении вечернего покоя, так не свойственного утренним часам, когда до рассвета обычно и не вспоминаешь, что сегодня никуда не надо, да и делать по дому почти ничего не надо, во всяком случае, всю первую половину дня. Поэтому догадываешься о какой-то происшедшей перемене, хотя и не представляешь, в чем она состоит.

Сажусь писать дневник, пользуясь все тем же светлым промежутком дня или своего сознания, тут все перепутывается. У Кирюши прочел «Приговор» Кафки. Так вспомнилось, все-таки я несколько раз бывал у него. И сейчас чувствую, как с каждой строчкой становится темнее. Другие включают свет гораздо раньше меня. Помню одно – еще в этом году мне исполняется сорок лет.

Уже включают свет – три часа дня. Среди дня был момент, когда откуда-то изнутри домов засветило солнце и они приобрели вид готовых к своему раскрытию вещей, но нашла туча и стало на два часа темней. Как ни странно, повинуюсь внутреннему чувству, подхожу и гляжу в западное окно. Здесь, как на перепутье, всегда оживленно. Длинная дорожка уходит в сторону железной дороги мимо пришкольной лужайки, и пути между домами здесь пересекаются. Манит вдаль, туда, к домам за железной дорогой, как будто бы есть какая-то разница между теми серыми коробками и нашей, но в них чувствуется готовность к осуществлению. Тут всегда прогуливают собак. Те же дома, но в открытом пространстве совершенно иначе смотрятся. Я еще посумерничаю, так приятно в полумраке, потом впотьмах бродить по кухне. Думать –

нельзя же так этого и оставить. Канада передает, что в Албании было землетрясение, больше нечего слушать. Все становится на свои места. В «Правде» сообщение об автомобильной катастрофе в туннеле Саланг. Имеются человеческие жертвы.

Уже неделю живем на Петроградской. Мама попала в больницу с сильным ушибом ноги. Приезжала на три дня Инна, все время проводила у мамы, только утрами и вечерами мы виделись и могли наслаждаться ее обществом. За это время произошло в Ленинграде наводнение, но мы об этом узнали на другой день из газеты. Нас оно никак не коснулось. Раз сходил к Герте Михайловне, позавчера. Поговорили о том о сем. Я пробыл недолго.

Сегодня проснулся четверть седьмого. Пошел варить чай, пока пил, Вера поднялась, стала делать зарядку, прилег снова. Инна уже уехала и мы вдвоем. Вера ушла на работу, и я прилег. Стало светать. День, кажется, ничего – небо голубоватое, но еще дует юго-западный ветер и к ночи обещают усиление ветра. Ничего не говорят – есть еще угроза наводнения или нет. Это было двухсотпятидесятое в истории города.

Сегодня еще можно ничего не предпринимать, а завтра, по-видимому, нужно будет съездить в Купчино. Наслаждаюсь полным отдыхом. Все у меня есть. Надо только за хлебом выйти. Лень. Слабое осеннее солнце.

Внезапно бросили все наше купчинское. Долго придется пожить здесь. Маме до полугода придется пользоваться костылями. Здесь лучше. Кроме того, что телефон здесь под боком и есть кое-какие соседи, гораздо лучше в смысле района. Ну ее к Богу, эту окраинную тишину, привыкну к непрерывно снующим мимо дома машинам. Книги есть и здесь. Алексеев, Боронина, хватит надолго. Боюсь магазинов, не знаю, как буду делать все необходимые покупки. Пока же можно отдыхать, и этой возможностью я пользуюсь в полной мере.

Что видно: люди ходят, мерещатся флаги на серых домах. День пройдет – все пройдет. Никуда.

Дни идут за днями, солнце больше не показывается. Грозят кратковременным похолоданием, я уже простудился на здешних сквозняках. Твердо решил эти праздники отметить дома, никуда не высываюсь, так здесь подхватил простуду – насморк и чих, как во время абстиненции. Болезнь заново научит лежать и сидеть, а это доходился я по коридору, под дверями. Декабрь. Скорей бы новый год и кончался этот дневник. Ведь в этом году я подсел в январе, вот и будет что сравнивать в начале будущего года. И медленно ходя по дому и по улицам, глядясь в витрины винных магазинов, буду вспоминать восемьдесят второй год, как год, когда я бросал и пить, поддавшись на уговоры родных. Массовые посадки, по-моему, уже кончатся, и так будет не похож один январь на другой. До этого еще почти месяц надо ждать. Есть еще немного дневного света. При электричестве как-то над дневником не думается. Вчера по телевизору показывали еще один фильм с Высоцким, трудно сказать, к чему бы это.

В Купчино я так и не был, и никто, по-видимому, не знает, что я здесь живу, во всяком случае никто из моих знакомых не звонит. Темнеет.

... И оказывающийся едущим на автобусе где-нибудь на Марата или за Лиговкой ты-ты же. Тот же, что сейчас ходил по комнате впотьмах, не представляя себе ничего красивее колокольни Владимирской церкви, до половины скрытой деревьями, и заросших дворов прижелезнодорожного района. Большие перестройки грозят старому району. Как жаль, если он станет неузнаваем. Так же жаль Малого проспекта на Васильевском острове. Я их не знаю, но есть много таких улиц, что сейчас меняются за счет новостроек и которым это не очень идет. Ходил и видел, как изменилась Карповка, когда обстроили углы. Да где сейчас спокойно с сохранением исторического облика? Об таких местах пишут особо. Наш дом не может быть перестроен заново, а неказистые домишки за Лиговкой доживают свои последние дни.

После пасмурного дня – голубое небо. Плывут снежные облака – снег идет мимо, не идет у нас. И наконец целый день солнце при трехградусном морозе – сегодня.

Все встало на свои места. Стены комнаты как бы расступились от свежего морозного воздуха. С каких пор я стал таким домоседом? Кто говорит, что сегодня день не чайный? Сам заваривал «Цейлонский». Немного тяжела голова. Прилег. Телевизор предпочитаю не включать. Немного позже послушаю «Сегодня в мире». Тихо. Никакой такой яркой политической новости. И приходится себя успокаивать тем, что ты – ты же. А понял это потом как-то вдруг. Меня взбадривает только отсутствие выхода из создающихся положений. К этому бы можно привыкнуть. Перед концом, может быть, все это и выглядит картиннее. После чая надо размяться. Я хожу, остываю, потом лежу – греюсь. Веры снова нет – она ушла на книголюбский вечер. Вести о сильном землетрясении в Северном Йемене с двумя тысячами убитых. В Гиндукуше также произошло весьма сильное землетрясение, и ничего не надо слышать больше, все ж смотрю «Сегодня в мире». Завтра маму выпишывают из больницы.

Заснеженный дом за окном. Слепые окна, как черно-белые газетные фотографии. Два раза окно принималось замерзать. Прошел солнечный день, потемнело ясное вечернее небо. В комнате тепло и накурено, а за окном западный ветер. Вообще же зима на редкость мягкая, все еще городу угрожает наводнение.

Здесь кругом снега, как там вокруг острова. Силюсь что-то читать при затухающим свете дня. Вспоминая книги, которых мне здесь недостает, я только к трем часам в воспоминаниях добираюсь до собственных сочинений. Настоящие сумерки начинаются около пяти. Силюсь вымыть пол еще при свете дня. Становится спокойнее, и дальше все делается спокойней. Сложилось такое положение, когда книги не нужно перевозить из дома в дом. И тут и там есть непрочитанные книги. Не буду их тут перечислять. Не надо скапливать книги, но сейчас и тут и там много книг. Кира перед отъездом успел зайти в «Науку» и купил три книги. Без статей Алексеева две, и я взял на другой день: «Ямато-моготари» и «Философское учение школы Хуаянь». То все осталось у мамы. В день, когда он уехал, водил маму на снимок. На стыке дня и электрического вечера беру в руки книгу. Здесь это Никитина о корейской мифологии. Очень медленно читается. Да и то сказать, за два месяца я только два дня здесь. Сегодня можно посумерничать. Накануне были люди из Пушкина. Настоящий чайный кутеж.

Я понимаю, что вижу перед собой день, но слишком холодно выходить, даже чтобы пить пиво. Я все жмусь к теплу, а так имею тенденцию ходить по возможности раздетым. Десять градусов февральского мороза. Нет, конечно, для пива холодно. Как я люблю чай и тот экстаз спокойствия, когда ложишься и не дремлешь, а отвлекаешься сознательно от всех шумов.

По-настоящему впадаешь в забытье:

«телом подобен иссохшим ветвям,
духом подобен угасшему пеплу.
Темный, туманный, без чувств и без мыслей,
не говори с ним – ведь он настоящий».

Еще на Петроградской приснилось, что на Славе в книжном магазине продается Чжуан-цзы. Я покупаю два экземпляра. Книжка в мягкой обложке. Заношу домой. Сегодня двадцать градусов, слишком холодно, чтобы ходить проверять. Пью чай. По радио предсказывают новое извержение вулкана Сент-Хеленс. Как бы мы ни уезжали отсюда, но все возвращаемся к одному и тому же. Сгорел Кослас. Прочел «Союз дракона и тигра» из «Возвращенной драгоценности». В начале новеллы упоминается Су-дун-по. И всю ночь разыскиваю ускользящий пивной ларек у Московского вокзала, и во сне не удается выпить пива. Тут я одеваюсь гораздо соответственной погоде и во сне и наяву. Мое пальто висит здесь, где-то на стуле болтается костюм. Значит, я здесь уже живу. Бутылка незаметно исчезает со стола. Не пью. Готовлю чай. Курю. Я мог бы и не знать, что произошло подорожание. Снегом занесло все вокруг. Солнечные зайчики на снегу, и перед глазами плавают круги. Больно смотреть на снег. Не раздвигаю

занавески. Здесь на кухне у меня ателье. Нету места спокойнее и проще, как проста по своему устройству однокомнатная квартира...

Христос с нами!

15 февраля радио передает о землетрясении в Синьцзяне. Имеются раненые и разрушения, 6,5 баллов по шкале Рихтера.

Конец февраля – начало марта все новые сообщения о подземных толчках. Лос-Анджелес, показывают, как рушатся маленькие дома. Сегодня, в пятницу 4 марта, радио передает о землетрясении в Тихом океане в 150 км от Лимы. В двенадцать часов я был в пути и не слышал о землетрясении в Киргизии. Пришел, посмотрел газеты за эти дни. Умер Н.А. Козырев.

В «Книжном обозрении» пишут, что издан Джойс.

Тринадцатого марта в «Международной панораме» показывали центр по борьбе с последствиями землетрясений в городе Кавасаки. Говорят, что между десятым и пятнадцатым сектором в районе Фудзиямы будет очень сильное землетрясение.

Четырнадцатого два толчка неподалеку от Небит-дага силой до 7 баллов. Вчера извержение Ключевского вулкана, сегодня – землетрясение в Александровске-Сахалинском.

Показывают треснувший туркменский дом в программе «Время», говорят, что заморозки ночные мешают восстановительным работам. Землетрясение в 30 км от Небит-дага.

Сильный ураган на Камчатке. Трехметровые сугробы и сорванные крыши, сила ветра достигла 180 км в час.

В Купчине продают чай с нагрузкой – две банки сгущенного какао и майонез, так что две пачки тридцать шестого выходят дороже четырех рублей.

Неделю назад сильное землетрясение около Амола в Иране. По телевизору показывают пострадавшие деревни, снятые с воздуха. Тридцать первого марта почти разрушен город Попаян в Колумбии, руины. В субботу – в Ленкорани.

Во вторник пятого апреля Авачинский залив. Показывали разрушенные соборы Попаяна. В среду – извержение вулкана Килауэа, раньше, кажется в воскресенье, Этна.

У нас весна очень ранняя в этом году. Снег сошел еще в марте, и сейчас дни теплые и сухие. Земля быстро просыхает. Ездили в Купчино. Солнечные дни, температура утром под десять градусов. Пил пиво, немного вина. Мылся. Переделали все дела. В Купчино жарко даже в куртке. Может быть, еще будет похолодание. Слышны очень дальние звуки, все настезь. Вера видела уже готовые распуститься почки. Раздражение на людей, стоящих на улицах. Похоже, что в книжных магазинах ничего нету. Не могу ручаться. Еще раньше сдал пятьдесят пять бутылок из-под вина, очень устал. Осталось довольно много, сил нет. На Петроградской тоже пиво. Люди проводят время у ларьков. В рабочее время меньше стало мотающегося народа. Проезжаю полгорода. Семьдесят четвертый немного изменил свой маршрут и едет по Волковскому проспекту и по Расстанной. Никогда он так не ходил на моей памяти, а Вера говорит, что это его обычный путь. Везде на пустырях прошлогодняя трава, солнце припекает. Сегодня, 7-е апреля, Благовещение. Не знал. Дошел бы до церкви. За день два дождика. Лекция Горегляда в Географическом обществе, первая интересная о которой я услышал за год. Вечером сообщение о землетрясении в Таджикистане, на афганской границе, в ста пятидесяти километрах от Хорога на север, силой шесть баллов. Восьмого в «Ленинградской правде» пишут, что убили Монтес, Анну-Марию, в Никарагуа. Утром землетрясение у Сидзуоки, приостановлено железнодорожное сообщение.

Нынче у них война –
Желтая встала мразь,
И усмирять ее наша страна взялась.
Много у нас теперь

в трюмах снарядов есть.
Чайки несли вперед о пароходе весть.

Эй, моряки, на борт!
Время торопит нас –
Снова в Лондонский порт
Мы уплывем тотчас.
В трюмах у нас теперь
Чай и свежий рис,
И убережь его мы должны от крыс.
Из Шанхая ушел корабль
Растаял, как лунный свет
И китаянка Лян
Долго глядит вослед

ничего *кроме* того, что видно сразу в пять окон не берись представить Заволховье. И берег, а на берегу другая церковь одна-две

Еще одна неправда; механичность мышления и переоценка предвидимого будущего. Петроградскую с Центром, районом Владимирской площади

чай пролился. «прыгнула в воду лягушка»

небо Купчино, двенадцать гусей в одиннадцать часов поглядят пролетая и часы снимут улета на северо- или юго-запад, как два стиральных порошка: «Лотос» и «Старая Ладога».

Этим летом показывали северное сияние. Между июнем и июлем.

<1983>

«Искусство Кореи». О. Н. Глухарева. М., «Искусство», 1982 г., стр. 227... тридцать вторая глава, где рассказывается о сосудах для чая: «Народ Гаоли предается чаепитиям, и для этого изготавливается множество сосудов: черные чаши, украшенные золотом, и более маленькие чайные чаши “цвета зимородка”, серебристые треножки “дин” для согревания воды, вдохновленные китайскими образцами. Во время приема чай, приготовленный во дворе, покрывают серебряной крышкой в форме лотоса. Напиток подается с большими церемониями. Прежде чем начинают его пить, ожидают извещения, что чай готов, при этом неизбежно некоторое его охлаждение. Если чаепитие происходит в специальной комнате, то принадлежности для чая помещают в центре стола, покрытого красной скатертью, и закрывают их сверху шелковым красным газом. Чаем угощают три раза в день и пьют его горячим. Народ Гаоли смотрит на него как на лекарство. Чаепитие для него – удовольствие, а если отказываются от него, – они этим огорчены. Вот поэтому лучше его выпить».

Перед праздником запасены мандарины и яблоки. Такое только к празднику и может быть: и ты и вы здесь. Говорится о женщине, у которой нельзя отнять ее права умереть. Без очереди продаются песни VI Далай-ламы. Заодно и Горегляд. Несколько книг из вышедших в последнее время мы все же пропустили. Часть песен была бы мною проиллюстрирована и кое-что о таких внутренне монгольских стихах я писал. На сборник «Песни, приятные для слуха» у нас денег хватит. «Ки-но Цураюки» мне подарят. Не пропустить бы – готовится «Бяньвэнь по Лотосовой сутре» и «Книга об идолах». Я начинаю эти записи еще в декабре, по привычке

под праздники. Сперва день рождения, потом елка. Вырезки о землетрясениях продолжаю собирать, но прогноза на Новый год нет. Вчера говорили об Иссык-Кульской области. Пока я вырезки складываю в «Чонди монгол» – «Песни о благодарении Чанди» – удалось достать у Киры с Эллой. А дальше куда их девать, не знаю. Отмечающиеся землетрясения как вехи другого исчисления времени, жизни не по часам и не в часовых поясах. Пропустили также «Курьер» с Борободуром, должно быть, самый интересный за последние годы. Многого не достается, о другом только слышу. Об Дуньхуанских документах только мечтать приходится, а, наверное, их не так уж трудно было достать – не в драку и все это. Вере удалось купить Восточный сборник, выпуск седьмой, «Осень в горах», и она дарит его мне, еще раньше. Там стихи поэтов – учеников Ван Вэя – очень интересно. Арестовав у Кирилла еще Корейское и Монгольское искусство, это две разные книги или альбома, я оказываюсь снова окруженным востоковедной литературой. Это уже привычно, но не очень привычно обилие иллюстрированного материала. Книжки, что я перечислил здесь, очень хорошие. А начал с мандаринов, чаев и вин. По-своему красивы приготовления к празднику. Вере приходится притаскивать мясо и консервы, оба мы приносим бутылки, и все чего-то не хватает. Как-то ночью тут, во сне, она замяукала, точно как маленький котенок. Мне стали сниться котята и кошка, и когда я уже проснулся, лежу с закрытыми глазами и не могу понять, почему это котенок мяукает так близко, а не идет ко мне. Кажется даже, что он сидит под дверью. Потом догадываюсь, что просто Вера так дышит. Не припомню, чтобы еще раз слышал что-нибудь подобное.

Гвинея 6,3 по шкале Рихтера.

28 декабря большая статья в «Правде» о Мессинском землетрясении 1908 года. Я ее сохраню. На эту тему пишется не так уж много, но годовщина именно Мессинского землетрясения отмечается у нас не впервые. Прошло семьдесят пять лет, а люди все не забывают, как в один час погибли восемьдесят тысяч человек.

Сегодня четверг. На этой неделе я успел сходить в Эрмитаж на выставку швейцарского коллекционера. Кажется более старой, но более яркой живописи я не видел. Картины Альтдорфера и Эль Греко, Франца Хальса и Гоббемы, и Гойи, и Химен-и-Леона, натюрморт с яркочерной посудой, светятся, как репродукции из журнала «Америка» или еще ярче. В понедельник весь музей закрыт, и пускают только художников и родственников их, на эту выставку. Обещали принести каталог. Что-то общее с выставкой Метрополитен, но ту я не успел осмотреть в отведенные час-полтора. Тут картин меньше, но и народа меньше. Я гляжу на этих людей артистического мира и что-то вижу в них не похожее на толпу обычных музейных посетителей. Но между нами не найти общего. Всего картин тридцать в одном зале на стендах. Каждая со своей подсветкой. Может быть, только стремление охватить такой большой период времени, от примитивов до Шардена и Фрагонара, способно вызвать какие-то нарекания. Мне презентовали билет на выставку, и хоть я пробыл на ней недолго, но успел все посмотреть не по разу. Очень благодарен тому, кто надоумил меня сходить на выставку в понедельник.

Днями нулевая или даже плюсовая температура, капель, а по ночам завывает ветер и метет. Утром, когда понемногу начинает светать, деревья и кусты стоят опущенные свежим снегом. В это время ветер стихает, но днем он успевает сдуть весь снег. В какое одиночество погружен человек в такие ночи. Меня спасет яркое представление о местах еще более не защищенных от непогоды в сравнении с нашим, о миллионах жилищ в задернутом ночной темнотой, пеленой снега и сырого тумана городе, в каждом из которых завывание и гудение ветра на этих днях воспринимается по-особому. В такие ночи не пойдешь проверять, плотно ли заперты окна в других твоих домах. Я сижу у радиатора парового отопления, греюсь и не могу не обращать внимания на силу ветра. Вдруг начинают дрожать рамы и балконная дверь, неплотно сидящая в своей раме. Ветер еще неслышим, лишь дыхание ровное и мощное, как кажется, распространяющееся и по комнатам, предвещает новый порыв. И тут же он начинает дуть, как бы в какой-то примитивный фагот или другой музыкальный инструмент. Иногда эти партии

продолжаются подолгу, иногда какие-то обрывочные. Сквозь муть и облачность не разглядеть, конечно, луны и неба. Может быть, начинается зимний подъем воды, и лед потрескается в местах, где каналы впадают в реки или залив, поднимется и подвинется. Как замороженный смотрю на щели во льду, я вспоминаю, так было, кажется, они верно выражают происходящие процессы и в этом смысле, это готовое искусство или мотив и повод для создания живописи и стихов, как будто эти трещины сами по себе произведение каллиграфии.

Приходит повестка с почты, мама из-под Москвы прислала чай, будет на Новый год в доме «индийский». Ах, как хорошо.

Солнце висит невысоко над домами. Как хорошо на улице. Ветер стих, несмотря на мороз, кажется тепло. Солнце не греет, но погода очень мягкая, люди ходят по бульвару, чтобы побыть в его лучах. Потихоньку, может, и чувствуется тепло. Сегодня люди в куртках не вызывают удивления. В магазине очередь, принимают товар, русскую водку по пять пятьдесят в картонных коробках. Я стою за своей бутылкой «Изабеллы». Грузчики одновременно вносят сумятицу и наводят порядок в толпе. Покупаю хлеб и газету – все рядом. Медленно идти по улице, вдыхая морозный легкий воздух, хотеть расстегнуться, вот и все удовольствие сегодняшнего дня. В «Известиях» выражаются соболезнования Ахмеду Секу Туре в связи с постигшим страну стихийным бедствием. Выходит, что из-за одного этого я и должен был купить газету. Продается масса польских и венгерских журналов, и куда-то все это расходуется. Мне и в голову не придет покупать болгарский журнал. Дома тихо, а вокруг стирают, пахнет стиркой с другого этажа. Тихо пью вино, учеников Ван Вэя трудно в руки взять. Сегодня так бы пошло читать учеников Ван Вэя. Яркий свет заливает дома на Будапештской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.